

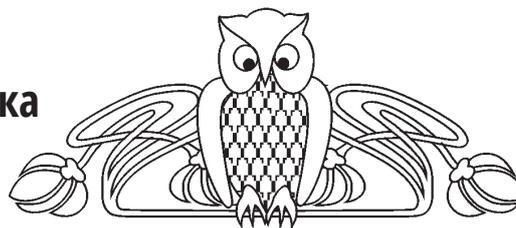

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 55–62
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 55–62
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-55-62>, EDN: MSEPMW

Научная статья
УДК 316.6+159.923

Социально-когнитивная архитектоника моральной травмы личности

Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. Во *введении* обосновывается актуальность изучения моральной травмы как психологической «раны совести», раскалывающей целостность личности, нарушающей ее картину мира и глубинные нравственные убеждения о справедливости и осмысленности человеческого существования, которая обусловлена глобальными вызовами современного общества, расширением понимания психологических последствий экстремального стресса, масштабированием групп риска, подверженных моральным травмам, и разрушительностью их последствий для отдельной личности и общества. **Теоретический анализ.** Цель: теоретическая рефлексия социально-когнитивной архитектурной моральной травмы с позиций авторской концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой». Показано, что интернализованные паттерны взаимодействия определяют формирование личности и психопатологию, выступая не столько в качестве бессознательных паттернов, сколько как смысловые и оценочные структуры сознания, организующие опыт межличностных отношений. Выявлено, что моральная травма возникает в результате конфликтного рассогласования личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой», влияющих на отношения к себе, миру и другим людям и вызывающих глубокие нарушения на эмоциональном, когнитивном, социальном и духовном уровнях. **Заключение.** Установлено, что моральная травма – это катастрофическое рассогласование в структуре ключевых личностных репрезентаций взаимодействия, которое приводит к внутреннему расколу и распаду целостного образа Я как морального субъекта, экзистенциальному кризису, разрушению доверия, соматизации и деструктивному поведению. Предложен обобщенный алгоритм психологической работы, направленной на трансформацию травматических личностных репрезентаций взаимодействия и восстановление способности личности к смысловой переработке опыта.

Ключевые слова: социально-когнитивная архитектоника, моральная травма, диада Я–Другой, репрезентации взаимодействия

Для цитирования: Рягузова Е. В. Социально-когнитивная архитектоника моральной травмы личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 55–62. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-55-62>, EDN: MSEPMW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social-cognitive architectonics of personal moral injury

E. V. Ryaguzova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Abstract. The *introduction* substantiates the relevance of studying moral injury as a psychological “wound of conscience” that shatters the integrity of the personality, disrupts its worldview and deep moral convictions about justice and the meaningfulness of human existence. This relevance is driven by global challenges of modern society, the expanding understanding of the psychological consequences of extreme stress, the scaling of risk groups susceptible to moral injuries, and the destructiveness of their consequences for both an individual and society. **Theoretical analysis.** The purpose of the paper is a theoretical reflection on the socio-cognitive architectonics of moral injury from the standpoint of the author’s concept of personal representations of the «Self–Other» interaction. It is shown that internalized interaction patterns determine personality formation and psychopathology, functioning not so much as unconscious patterns but as semantic and evaluative structures of consciousness that organize the experience of interpersonal relationships. It was revealed that moral injury arises from a conflicting discrepancy in personal representations of the Self–Other interaction, which affect attitudes towards oneself, the world, and other people, causing profound disruptions at the emotional, cognitive, social, and spiritual levels. **Conclusion.** It is established that moral injury is a catastrophic discrepancy in the structure of key personal representations of interaction, which leads to the disintegration of the holistic self-image as a moral subject. A clear algorithm for psychological work is proposed, aimed at transforming traumatic personal representations of interaction and restoring the individual’s capacity for the semantic processing of experience.

Keywords: socio-cognitive architectonics, moral injury, Self–Other dyad, interaction representations

For citation: Ryaguzova E. V. Social-cognitive architectonics of personal moral injury. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 55–62 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-55-62>, EDN: MSEPMMW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Перефразируя В. Франкла, можно сказать, что у каждого времени не только свои неврозы [1], но и свои моральные травмы, которые обусловлены актуальными глобальными вызовами современного общества. Военные конфликты и политические кризисы нарушают базовую потребность в безопасности, связаны с агрессией и насилием, необходимостью совершать или быть свидетелем действий, противоречащих моральным стандартам человека. Природные и техногенные катастрофы способствуют разрушению стабильной и предсказуемой картины мира, актуализируют у личности чувство беспомощности и незащищенности перед природой или технологиями. Социальное неравенство и несправедливость имеют отношение к предательству со стороны властей и институтов, потере доверия, разрушению веры в справедливое устройство общества. Культурная травма и рефигурация системы базовых ценностей сопряжены с коллективными переживаниями, размыванием групповой идентичности, чувством потери «нормального» мира, неверием в будущее и, как верно заметила Т. П. Скрипкина, новой культурной этикой [2]. Разрушение межкультурного диалога и рост экстремизма касаются усиления оппозиции «мы – они», нетерпимости к инакомыслию, использования насилия для разрешения конфликтов, что приводит к формированию социальной среды, в которой диалог и взаимопонимание невозможны, а вынужденное пребывание в условиях вражды и агрессии деструктивно влияет на моральные основы совместного сосуществования социальных акторов. Более того, в современном мире растет число групп риска, подверженных моральным травмам, среди них не только те, кто непосредственно принимает участие в войнах и ликвидации последствий катастроф (медики – особенно в период таких кризисов, как пандемия, полицейские, пожарные, журналисты, работающие в «горячих точках»), жертвы или свидетели насилия, травли, предательства в разных контекстах взаимодействия, включая киберпространство, но и люди, работающие

в токсичных корпоративных культурах, вынужденные идти против своих этических принципов. Еще один аспект актуальности заявленной темы обусловлен важностью дифференциации последствий травматического стресса, в частности разведения посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и моральной травмы, что необходимо для эффективной терапии ПТСР и продуктивного исцеления от моральной травмы.

Целью данного исследования выступает теоретическая рефлексия социально-когнитивной архитектоники моральной травмы с позиций концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой».

Новизна исследования заключается в том, что моральная травма позиционируется как результат конфликтного рассогласования личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой» и разрыва интернализированных паттернов интеракции, приводящих к расколу идентичности, распаду моральной субъектности, разрушению доверия к миру, себе и Другому, деструктивному поведению и экзистенциальному кризису.

Теоретическая значимость связана с тем, что результаты проведенной рефлексии расширяют научные представления о моральной травме и возможностях ее социально-когнитивной переработки, позволяя анализировать моральную травму не только как внутренний сбой личности, а как комплексный конфликт в системе «личность–общество», приводящий к разрушению идентичности, вызванному столкновением внутренней морали с невыносимой внешней реальностью, восстановление которой требует реконструкции связей личности с собой, миром, Другими.

Теоретический анализ репрезентаций взаимодействия «Я–Другой»

Социально-когнитивная архитектоника акцентирует внимание на том, как социальные структуры, взаимодействия и контексты формируют и организуют когнитивные процессы человека (мышление, память, внимание, приня-

тие решений). В рамках социально-когнитивной архитектуры моральная травма позиционируется в качестве сложного, многоуровневого, структурного образования, возникающего в результате динамического взаимодействия личности с разнообразными Другими в травматических контекстах, что обуславливает выбор в качестве методологической рамки исследования авторскую концепцию личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой» [3].

Одним из ее теоретических оснований выступают психоаналитические теории объектных отношений М. Кляйн [4], О. Кернберга [5], С. Митчелла и Д. Гринберга [6].

М. Кляйн сохраняет фрейдовскую трактовку влечений, таких как либидо и агрессия, но делает их неразрывно связанными с объектами, под которыми понимаются конкретные люди или символы, удовлетворяющие влечение, смещая тем самым исследовательский фокус с биологических влечений ребенка на самые ранние межличностные отношения, и то, как внутренние образы-репрезентанты объектов этих отношений формируют психику человека.

О. Кернберг объединяет теорию влечений и межличностные отношения, считая, что объект – это психический образ другого человека (чаще всего матери), который через эмоциональное состояние связывается с образом Я. Он полагает, что в раннем детстве ребенок интроецирует (поглощает внутрь, присваивает) взаимодействия с матерью, расщепляя их на «хорошие» (удовлетворяющие) и «плохие» (фрустрирующие). О. Кернберг выделяет фазы развития объектных отношений – от интроекции как примитивного механизма присвоения опыта, до идентификации как усвоения ролей и понимания различий в поведенческих рисунках одних и тех же людей в разных ситуациях и отождествления Я как интеграции всех идентификаций в целостное представление о себе, осознание взаимосвязи собственного поведения и отношения окружающих [5]. По его мнению, влечения возникают из конституциональных предрасположенностей, но организуются и структурируются через ранние объектные отношения и Я-объектную полярность. Для эффективного функционирования и целостной идентичности личности необходима проработка примитивных защит, особенно связанных

с расщеплением, и интеграция расщепленных «хороших» и «плохих» репрезентаций себя и объекта. Это приводит к формированию целостной идентичности и способности к амбивалентности, предполагающей возможность видеть в себе и Другом как хорошее, так и плохое одновременно. Безусловной заслугой О. Кернберга является не только конструирование модели личностной организации, в рамках которой уровни локализируются на континууме от здоровой и пограничной организации до патологической и дифференцируются, исходя из способности Я к интеграции (сила Эго) и типа преобладающих защитных механизмов, но и предложенная им эффективная терапия для пограничной организации личности.

С. Митчелл и Д. Гринберг полностью абстрагируются от теории влечений и утверждают, что поведение человека мотивируется не разрядкой инстинктивного напряжения, а стремлением к отношениям и установлению связей с Другими. Они полагают, что личность – это не внутренняя структура, а паттерн взаимодействий, который постоянно воспроизводится в сети реальных и внутренних отношений, тем самым перемещая исследовательское внимание с интрапсихического мира личности на интерперсональное поле, предполагающее динамическую сеть отношений с Другими [6].

Общий тезис проанализированных концепций заключается в смещении аналитического акцента на межличностные отношения как на первичную силу в формировании личности и психопатологии. Представители этих теорий полагают, что психика структурирована вокруг системы бессознательных репрезентаций, которые формируются в процессе раннего опыта взаимодействия со Значимыми Другими – важными людьми, позиционируемыми как объекты. Система репрезентаций включает саморепрезентацию как совокупность Я-идентификаций в конкретных ситуациях взаимодействия («Я-любимый», «Я-бросаемый», «Я-сильный»); репрезентацию Другого как образ значимого человека («Другой-заботящийся», «Другой-отвергающий», «Другой-агрессивный»), а также эмоциональную оценку, связывающую репрезентации Я и Другого (любовь, забота, страх, гнев, стыд) и определяющую валентность личностных

ожиданий от интерперсональных отношений. Например, репрезентативная схема может быть представлена следующим образом: «Я–хороший» ↔ (связь через любовь) ↔ «Другой–хороший».

Концепция личностных репрезентаций взаимодействия [3] фокусируется на том, как человек воспринимает, понимает и оценивает себя и Другого в интерактивном процессе, позиционируя и себя, и Другого как целостных, активных субъектов (а не как пассивных объектов). Это не бессознательные паттерны, а скорее смысловые и оценочные структуры сознания, которые организуют опыт отношений. Соответственно, единицей анализа выступает целостное взаимодействие, при котором Я и Другой не рассматриваются по отдельности, а воспринимаются именно как целостный гештальт, в котором оба наделены активностью, целями, смыслами. В каждой личностной репрезентации взаимодействия можно выделить: образ себя («Я-компонент»), имеющий отношение к тому, как личность видит себя в том или ином взаимодействии и какие личностные качества при этом проявляются; образ Другого («Alter-Другой») – это интернализированный Другой, активный агент, наделенный собственной субъектностью, который участвует во внутреннем диалоге с сознательным «Я» личности, и важно то, как личность воспринимает Другого в конкретном взаимодействии, какие качества и интенции атрибутирует ему; образ взаимодействия («Связка»), отражающий валентность и качественную определенность предполагаемой интеракции (диалог, признание, борьба, конфликт, проекция, отзеркаливание, слияние), связанный с тем как личность оценивает сам процесс взаимодействия, кто его инициирует, доминирует, оказывает влияние, несет ответственность и какой эмоциональный фон предполагает (уважение, интерес, открытость, агрессия, страх, ненависть, подозрительность, тревога, вина). При этом заметим, что психологически зрелая личность способна гибко перемещаться между разными образами взаимодействия, сохраняя способность к диалогу и признанию, минимизируя деструктивную борьбу и слияние. Ключевым параметром является согласованность или рассогласованность этих образов: эффективное взаимодействие характеризуется относительной согласованно-

стью между тем, как личность воспринимает себя, Другого и процесс интеракции, тогда как рассогласованность образов может приводить к различным видам деструкций и моральной травме.

Моральная травма как результат рассогласования личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой»

В современных исследованиях моральная травма понимается многомерно: как синдром, характеризующийся симптомами повторного переживания и избегания, сопровождающийся моральными эмоциями, деморализацией, социальной изоляцией или отстранением, связанный с изменениями в целеполагании, конструировании экзистенциальных смыслов, потерей духовности и религиозной веры [7]; как психологическая рана, наносящая ущерб базовым человеческим потребностям в социальной принадлежности и сплоченности [8]; как модель поведения, при которой человек пытается избежать или контролировать свою моральную боль [9].

Развитие теорий моральной травмы показывает сдвиг от понимания ее как внутреннего психологического конфликта в концепции Б. Литца [10] к более комплексному взгляду, учитывающему роль социального контекста и морального диссонанса в теории А. Те Брейка и Б. Наута [11], специфику травмирующих событий и субъектность личности в концептуальной модели двойного процесса моральной травмы и травматических расстройств Н. Барра с соавторами [12].

Ключевые компоненты моральной травмы могут быть представлены через нарушение морального ожидания, когда человек является свидетелем, совершает трансгрессивный проступок или становится жертвой действий, грубо деформирующих его представления о добре и зле, справедливости и человечности; через актуализацию чувства вины («Я сделал это»), стыда («Я – ужасный человек из-за того, что сделал это») и отвращения («То, что я сделал, отвратительно!»), а также через кризисы смысла, доверия и идентичности, имеющие место при разрушении фундаментальных представлений о том, что мир справедлив, люди в основе хорошие, а я – достойный человек.

Собственный трансгрессивный поступок или аморальные действия Другого искажают репрезентации «Я–Другой» и наносят удар по самым фундаментальным, часто идеализированным репрезентациям, не просто добавляя один негативный шаблон, а раскалывая или радикально трансформируя ключевые диады. Если до травмы существуют позитивные или, по крайней мере, сбалансированные репрезентации: «Я-моральный / хороший» ↔ «Другой-справедливый / предсказуемый»; «Я-защитник» ↔ «Другой-нуждающийся в защите»; «Я-действующий» ↔ «Другой-принимающий мое действие» (ожидание, что мои действия принесут добро или нейтральный результат), то во время и/или после морального травмирующего события происходит катастрофический сдвиг, приводящий к следующим сценариям.

1. *Человек совершил действие, нарушившее его кодекс (активная вина)*. В качестве примера можно привести комбатанта, убившего гражданское лицо или спасателя, не сумевшего спасти всех в условиях катастрофы. Трансформация репрезентаций: «Я-хороший» замещается на «Я-монстр / убийца / предатель». «Другой-справедливый» (например, образ общества или Бога) превращается в «Другой-карающий / осуждающий». Эмоциональная связка: любовь и доверие заменяются на стыд, вину и самоотвержение. Возникает новая доминирующая диада: «Я-преступник» ↔ (связь через стыд и вину) ↔ «Другой-судья», а также рассогласование между образом Я и образом взаимодействия. Если раньше существовала связка: «Я – хороший солдат» (образ Я) ↔ «Я выполняю приказ для защиты» (образ взаимодействия), то появляется репрезентация «Я участвую в убийстве невинных», в результате этого образ Я не может интегрировать подобный тип взаимодействия, что актуализирует острый когнитивный диссонанс и чувство вины.

2. *Человек стал свидетелем аморального действия и не вмешался (вина свидетеля)*. Например, сотрудник, который видел, как начальство покрывает преступление, но промолчал из-за страха быть уволенным. Трансформация репрезентаций: «Я-смелый / принципиальный» замещается на «Я-трус / соучастник». «Другой-авторитетный управленец» связывается с образом «Я-предавший», что порождает невыно-

симуемую вину. Новая диада: «Я-слабый» ↔ (связь через стыд и бессилие) ↔ «Другой-всемогущий-и-злой» (образ системы, начальства, которому подчинился). Происходит рассогласование между образами Другого и взаимодействия: «Руководитель – авторитет, который управляет организацией» (образ Другого) ↔ «Я выполняю его приказы» (образ взаимодействия) замещается следующими репрезентациями: «Руководитель, скрывающий преступление» (новый образ Другого) ↔ «Я слепо подчинился» (новый образ взаимодействия). В результате разрушается доверие к системе и Другим, которые должны были обеспечивать моральные ориентиры, а также возникает чувство предательства и гнева.

3. *Человек стал жертвой предательства со стороны «своих» (травма предательства)*. Например, ветеран, которого правительство «бросило» после войны, или сотрудник, которого обвинили в ошибках руководства. Трансформация репрезентаций: «Другой-защищающий / доверяющий» (армия, команда, руководство) замещается на «Другой-предающий / использующий». «Я-лояльный» превращается в «Я-обманутый / наивный / обесцененный». Эмоциональная связка: доверие заменяется на гнев, обиду и экзистенциальное одиночество. Актуализируется новая диада: «Я-брошенный» ↔ (связь через гнев и обиду) ↔ «Другой-предатель».

Соответственно, такое радикальное переопределение репрезентаций приводит к тяжелым последствиям. К ним относится, прежде всего, внутренний раскол, при котором положительные репрезентации «Я-хороший» не исчезают полностью, а продолжают существовать, вступая в неразрешимый конфликт с новыми, негативными репрезентациями, способствуя фрагментации идентичности, когда человек разрывается между «Я – герой» и «Я – монстр». Происходит распад ядра моральной субъектности как способности быть автором своих действий, нести за них ответственность и оценивать их с этической точки зрения. Моральная травма разрушает это ядро, так как человек не может «присвоить» себе действие (вина) или, наоборот, чувствует себя лишенным субъектности (бессилие, предательство).

Другим последствием может быть экзистенциальный кризис, в результате которого распадается целостная картина мира, постро-

енная на этих репрезентациях, жизнь теряет смысл, взаимодействие «Я-Другой» перестает быть источником смысла, а становится причиной стыда, вины и экзистенциальной пустоты. Человек не может найти позитивный смысл в том, что произошло.

Еще одним последствием выступает разрушение доверия, поскольку если образ Другого стал «предателем» или «судьей», то любые новые отношения воспринимаются как потенциально опасные, что приводит к социальной изоляции. Образ Другого становится угрожающим (осуждающим) или сам образ Я становится неприемлемым, человек бессознательно избегает глубоких, подлинных взаимодействий, чтобы вновь не пережить это рассогласование.

И, наконец, происходит соматизация и имеет место самодеструктивное поведение, так как труднопереносимые эмоции стыда и вины, связанные с новой диадой, ищут выхода, что может проявляться в виде психосоматических заболеваний, зависимостей, самоповреждающего и саморазрушительного поведения как бессознательной попытки наказать «плохое Я».

Таким образом, моральная травма – это катастрофическое рассогласование в структуре ключевых личностных репрезентаций взаимодействия, которое приводит к распаду целостного образа Я как морального субъекта. При этом моральная травма не просто набор симптомов, а глубокое структурное повреждение самой личности, которое выражается в формировании доминирующих, патологических диад, захватывающих идентичность человека и его способность к отношениям. Понимание этого механизма является ключом к направленной и эффективной психологической работе, целью которой выступает восстановление целостности Я и способности доверять Другому.

Концепция личностных репрезентаций взаимодействия «Я-Другой» предлагает обобщенный алгоритм подобной работы для восстановления способности к смысловой переработке опыта и согласованности репрезентаций.

1. Диагностика предполагает оказание помощи личности в осознании и вербализации тех репрезентаций взаимодействия «Я-Другой», которые были нарушены.

2. Переработка травмы с целью не столько «стереть» негативную диаду, сколько инте-

грировать противоречивые репрезентации, дать личности возможность увидеть себя не «монстром», а человеком, совершившим ужасный поступок в исключительных обстоятельствах, постараться разделить поступок и идентичность; трансформировать тотальный стыд в вину, которую можно искупить; слепой гнев – в осознанную злость, которую можно выразить конструктивно; создать новые, более гибкие репрезентации в безопасных психотерапевтических отношениях (где психолог – это «Другой-принимающий / понимающий, а не осуждающий»); помочь найти иной смысл в произошедшем, например, через помощь Другим (искупление), что позволит создать новую, жизнеутверждающую диаду: «Я-выживший-и-помогающий» ↔ «Другой-принимающий-помощь».

3. Восстановление диалога, при котором создается безопасное пространство между конфликтующими личностными репрезентациями взаимодействия и предоставляется право голоса и «Я-предателю», и «Я-жертве обстоятельств», и «Я-спасавшемуся-как-мог».

4. Переосмысление компонентов взаимодействия через, во-первых, пересмотр образа взаимодействия, для того чтобы помочь личности увидеть ситуацию в контексте внешних, непреодолимых обстоятельств, давления системы, ограниченности выбора, а во-вторых, дифференциацию образа Я в контексте разделения поступков и личности.

Заключение

Социально-когнитивная архитектура моральной травмы позиционируется как многомерное динамичное структурное образование, определяющее когнитивные процессы человека и детерминированное социальными структурами, социальными взаимодействиями и социальными контекстами. В рамках данного теоретического анализа исследовательское внимание акцентируется лишь на межличностных отношениях, однако моральные травмы – социальные травмы, и перспективы исследования связываются с фокусированием на социальном дискурсе, культурных нормах, идеологии и институциональных практиках, которые формируют сами критерии морального и аморального.

Моральная травма возникает в результате трансгрессивного поступка личности или действия Другого, нарушающих этический кодекс, и маркируется конфликтным рассогласованием ключевых личностных репрезентаций взаимодействия, приводящим к распаду целостного образа Я, разрушению позитивного нарратива о себе, экзистенциальному кризису, разрушению доверия, соматизации и деструктивному поведению. Однако в дальнейшем необходим учет постепенности, нелинейности и индивидуальной вариативности катастрофического сдвига от одной диады к другой, что будет способствовать углубленному пониманию сложности и противоречивости переживания моральной травмы.

Предложен обобщенный алгоритм психологической работы, направленной на трансформацию травматических личностных репрезентаций взаимодействия и восстановление способности личности к смысловой переработке опыта, требующий учета рисков, противопоказаний и адаптации психологических технологий под разные типы моральных травм.

Список литературы

1. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
2. Скрипкина Т. П. Актуальные социально-психологические проблемы современного российского общества // Человек и общество в современном киберпространстве : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции (Москва, 21 апреля 2023 г.). М. : Энциклопедист-Максимум, 2023. С. 28–33. EDN: ADWTMW
3. Рягузова Е. В. Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой». Саратов : Научная книга, 2011. 304 с. EDN: TNOLKH
4. Кляйн М. Детский психоанализ / пер. с англ. О. Бессоновой. М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2010. 160 с.
5. Кернберг О. Ф. Психоаналитические теории объектных отношений // Ключевые понятия психоанализа / под ред. В. Мертенса. СПб. : В&К, 2001. С. 78–84.
6. Greenberg J. R., Mitchell S. A. Object Relations in Psychoanalytic Theory. Harvard University Press, 1983. 437 p.
7. Coady A., Chartoff R., Litz B., Frankfurt S. Trauma, Spirituality, and Moral Injury: Assessing and Addressing Moral Injury in the Context of PTSD Treatment // Current Treatment Options in Psychiatry. 2021. Vol. 8. P. 186–195. <https://doi.org/10.1007/s40501-021-00252-0>
8. Zefferman M. R., Mathew S. An evolutionary theory of moral injury with insight from Turkana warriors // Evolution and Human Behavior. 2020. Vol. 41, № 5. P. 341–353. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2020.07.003>
9. Borges L. M., Barnes S. M., Farnsworth J. K., Drescher K. D., Walser R. D. Case conceptualizing in acceptance and commitment therapy for moral injury: An active and ongoing approach to understanding and intervening on moral injury // Frontiers in Psychiatry. 2022. Vol. 13. Art. 910414. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.910414>
10. Litz B. T., Stein N., Delaney E., Lebowitz L., Nash W. P., Silva C., Maguen S. Moral injury and moral repair in war veterans: A preliminary model and intervention strategy // Clinical Psychology Review. 2009. Vol. 29, № 8. P. 695–706. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2009.07.003>
11. Te Brake H., Nauta B. Caught between is and ought: The Moral Dissonance Model // Frontiers in Psychiatry. 2022. Vol. 13. Art. 906231. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.906231>
12. Barr N., Atuel H., Saba S., Castro C. Toward a dual process model of moral injury and traumatic illness // Frontiers in Psychiatry. 2022. Vol. 13. Art. 883338. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.883338>

References

1. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [A man in search of meaning]. Moscow, Progress, 1990. 368 p. (in Russian).
2. Skripkina T. P. Actual socio-psychological problems of modern Russian society. *Chelovek i obshchestvo v sovremennom kiberprostranstve: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 21 aprelya 2023 g.)* [Man and Society in Modern Cyberspace: Collection of scientific papers of the II International scientific and practical conference (Moscow, April 21, 2023)]. Moscow, Encyclopedia-Maximum, 2023, pp. 28–33 (in Russian). EDN: ADWTMW
3. Ryaguzova Ye. V. *Sotsialnaya psikhologiya lichnostnykh reprezentatsii vzaimodeistviya «Ya-Drugoi»* [Social psychology of personal representations of the “Self–Other” interaction]. Saratov, Nauchnaya kniga, 2011. 304 p. (in Russian). EDN: TNOLKH
4. Klyain M. *Detskii psikhoanaliz*. Per. s angl. O. Bessonovoi [Child psychoanalysis. Trans. from English O. Bessonova]. Moscow, Institute of General Humanitarian Research Publ., 2010. 160 p. (in Russian).
5. Kernberg O. F. Psychoanalytic Theories of Object Relations. In: Mertens V., ed. *Klyuchevye ponyatiya psikhoanaliza* [Key concepts of psychoanalysis]. St. Petersburg, B&K, 2001, pp. 78–84 (in Russian).
6. Greenberg J. R., Mitchell S. A. *Object Relations in Psychoanalytic Theory*. Harvard University Press, 1983. 437 p.

7. Coady A., Chartoff R., Litz B., Frankfurt S. Trauma, Spirituality, and Moral Injury: Assessing and Addressing Moral Injury in the Context of PTSD Treatment. *Current Treatment Options in Psychiatry*, 2021, vol. 8, pp. 186–195. <https://doi.org/10.1007/s40501-021-00252-0>
8. Zefferman M. R., Mathew S. An evolutionary theory of moral injury with insight from Turkana warriors. *Evolution and Human Behavior*, 2020, vol. 41, no. 5, pp. 341–353. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2020.07.003>
9. Borges L. M., Barnes S. M., Farnsworth J. K., Drescher K. D., Walser R. D. Case conceptualizing in acceptance and commitment therapy for moral injury: An active and ongoing approach to understanding and intervening on moral injury. *Frontiers in Psychiatry*, 2022, vol. 13, art. 910414. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.910414>
10. Litz B. T., Stein N., Delaney E., Lebowitz L., Nash W. P., Silva C., Maguen S. Moral injury and moral repair in war veterans: A preliminary model and intervention strategy. *Clinical Psychology Review*, 2009, vol. 29, no. 8, pp. 695–706. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2009.07.003>
11. Te Brake H., Nauta B. Caught between is and ought: The Moral Dissonance Model. *Frontiers in Psychiatry*, 2022, vol. 13, art. 906231. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.906231>
12. Barr N., Atuel H., Saba S., Castro C. Toward a dual process model of moral injury and traumatic illness. *Frontiers in Psychiatry*, 2022, vol. 13, art. 883338. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.883338>

Поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 15.11.2025